

АДВОКАТ – ЭТО ПРАВОВЕД?

1

Правовед — знаток действующего законодательства, а также основ и философии права.

Правоведение (юриспруденция) — наука комплексная, которая изучает совокупность знаний о государстве, управлении и праве.

Правовед как специалист в области права призван знать: ЧТО и КАК, а самое главное ПОЧЕМУ.

НЕСТАНДАРТНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Эта история о том, как одного молодого человека взяли с поличным при хищении чужого имущества, принадлежащего не какому-то дяде Васе из соседнего подъезда, а целому заводу, да не просто заводу, а очень секретному заводу, который курируют специальные правоохранительные органы.

В большинстве случаев на следствии вообще нельзя произносить ни слова. То есть не давать показаний.

А почему?

Потому что ни вам, ни адвокату не известно, какими доказательствами располагает следствие или будет располагать в дальнейшем.

Вы готовы отправиться в ночной полет без навигационных приборов? Вы готовы идти в океанское плавание без компаса? Вы готовы хотя бы ехать ночью по трассе без фар?

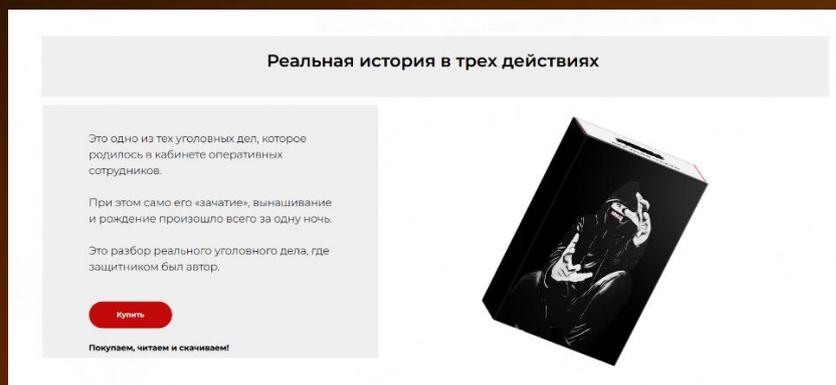
Зачем же тогда вслепую строить какую-либо линию защиты, которая, как выяснится впоследствии, пойдет вразрез с совокупностью других доказательств, собранных следователем.

Любое разночтение и противоречие воспринимается судами негативно. Вы будете привязаны к своим показаниям, данным на следствии, даже когда поймете, что они явно не в тему, и вам захочется их изменить. Но, увы, поезд уже будет далеко.

Показания никогда не поздно начать давать в суде. К этому времени вы с адвокатом уже изучите каждую бумажку в уголовном деле, вам будут известны все собранные доказательства, которыми располагает сторона обвинения. Адвокат, ваш защитник, будет иметь возможность проанализировать и оценить их и, таким образом, занять правильную позицию по делу и выстроить линию защиты.

Ваши показания в суде будут строиться с учетом обстоятельств дела, уже вам известных. В таком случае никаких противоречий в ваших показаниях, как на следствии, так и в суде, не возникнет. У прокурора не будет возможности уличить вас в непоследовательности, так как показания вы даете в суде впервые. Это ваше право! И уж ваш адвокат приложит все усилия, чтобы эти показания выглядели согласованными с показаниями свидетелей и потерпевших, а также совокупностью других доказательств.

Давая показания на следствии, вы всегда облегчаете работу следователя по собиранию и закреплению доказательств, которые он постарается повернуть исключительно против вас. Конституцией нам дарован принцип презумпции невиновности. Так пользуйтесь им. Молчите до последнего. А это право – молчать – у вас есть в силу той же самой Конституции.

Чтобы мои наставления для вас не были пустым звуком, а выглядели как-то нагляднее, я приведу жизненный пример из моей практики. Пример основан на реальном уголовном деле по обвинению одного молодого человека в краже.

Как-то осенью мне позвонил из одного крупного уральского города один молодой человек. Назовем его Сергеем. Я в тот момент находился в Кургане, где у меня было судебное заседание.

Сергей был женат, и у них совсем недавно родился ребенок. Его жена, как и он сам, была студентом, в данном городе они проживали на съемной квартире. Чтобы как-то жить, кормить себя и своего малолетнего ребенка, Сергей ночами на своей «девятке» занимался частным извозом.

По телефону Сергей сообщил мне, что он попал в неприятную историю. А именно то, что в отношении его возбуждали уголовное дело по факту хищения трех тонн металлических труб.

Сергей также сообщил мне, что его на завтра к себе вызывает следователь для производства каких-то следственных действий.

Я поинтересовался у него, давал ли он уже какие-нибудь показания следователю. Как выяснилось, показаний Сергей еще никаких не давал, а в отдел милиции приглашен по телефону.

Не вникая во все обстоятельства дела, я сказал ему, чтобы он завтра к следователю не ходил, на его телефонные звонки не отвечал.

Я смогу приехать к нему только через день, поскольку на следующий день у меня было назначено судебное заседание.

Ровно через день, ранним утром я приехал в город, где жил Сергей. Мы с ним встретились, и он посвятил меня в курс дела со всеми мельчайшими подробностями.

Оказывается, что накануне ночью, занимаясь извозом, Сергей взял пассажира, которого довез на указанный им адрес.

Подъехав к невзрачной пятиэтажке одного из районов города, Сергей заметил, что рядом с домом складирована приличная стопка стальных труб.

Не скрывая свой коммерческий интерес, Сергей спросил пассажира, кому принадлежат, увиденные им трубы.

Пассажир пояснил ему, что эти трубы недавно выкопали работники местного теплопункта, чтобы на их место закопать новые трубы.

Кроме того, пассажир сказал Сергею, что эти трубы в ЖКО ему продали по цене металлолома. Следовательно, трубы теперь принадлежат ему.

Сергей поинтересовался у своего собеседника, как он намерен ими распорядиться. На что тот ему ответил, что сдаст эти трубы в металлолом. Но беда в том, что послезавтра ему необходимо срочно лететь по каким-то делам в Махачкалу. А трубами заниматься, совершенно нет времени.

Сергей, будучи по своей натуре хватким парнем, посчитал слова своего пассажира не иначе как коммерческим предложением. Недолго думая он сказал своему собеседнику – продай мне эти трубы.

Недолго думая, пассажир принял предложение Сергея, идя ему на уступки только потому, что у него совершенно нет времени заниматься этими трубами, так как срочно надо уехать из города.

Договорившись, они условились встретиться завтра на этом же месте. Да, кстати, Сергей переписал паспортные данные своего контрагента для того, чтобы составить дома на компьютере договор купли-продажи.

На следующий день, встретившись в условленном месте, стороны подписали договор купли-продажи. Сергей передал продавцу деньги, в надежде вернуть их с существенной прибавкой. А продавец передал ему трубы, указав на них рукой, и сказав, забирай, вывози, теперь они твои.

Таким образом, сделка была совершена. Сергей, подсчитав свой будущий навар, начал листать страницы газет.

Через объявление в газете Сергей нашел организацию, которая занимается закупом бывших в употреблении стальных изделий.

Нанял грузовичок «воровайку». Это такой автомобиль, который сам грузит, сам везет и сам разгружает. И со спокойной совестью начал осуществлять погрузку приобретенных им труб.

Погрузкой заинтересовались рабочие теплопункта. Того самого теплопункта. Они спросили Сергея, куда же это он собрался везти трубы, которые принадлежат местному ЖКО.

Сергей был сильно удивлен такой постановке вопроса. Достал из кармана договор купли-продажи и начал им размахивать, доказывая, что данные трубы принадлежат на праве собственности только ему.

К этому времени в эпицентр возникшего конфликта прибыл бригадир и еще несколько сантехников. Трубы Сергею вывезти так и не дали. Погрузка была заблокирована. Водитель «воровайки» занервничал, потребовал от Сергея оплатить час простоя. Взял деньги и от греха подальше убрался с глаз долой. Правда, номера его машины бригадир успел «отсканировать» себе в блокнот.

Сергей не переставал возмущаться такому вопиющему безобразию. Буквально вчера он подписал договор и отдал несколько тысяч кровно заработанных рублей своему контрагенту.

Вскоре вся честная компания переместилась в помещение теплопункта. Где бригадир еще раз осмотрел договор купли-продажи и позвонил своему вышестоящему начальству, чтобы доложить о случившемся инциденте.

В это время Сергей, брызгая слюной, не переставал возмущаться действиями этой сантехнической компании. Он требовал объяснить ему, в чем все-таки дело. Почему он теряет здесь свое время и деньги, потраченные за найм грузовика. Выхватив у бригадира телефонную трубку, Сергей стал громко упрекать своего абонента в случившемся безобразии, отстаивая свои права собственности на спорные трубы.

Как выяснилось впоследствии, Сергей разговаривал по телефону с инженером ЖКО, курирующим данный теплопункт.

В конечном итоге Сергею пришлось покинуть теплопункт, как говорится, не солоно хлебавши.

Но на этом история не закончилась.

Спустя несколько дней, Сергею на мобильник позвонил следователь. Оказывается, перед тем как покинуть теплопункт, Сергей по просьбе бригадира оставил ему номер своего телефона.

Следователь настоятельно просил Сергея прибыть в следственное управление. Дальше, как я уже говорил, по прибытии в город, мы с Сергеем направились в районное УВД знакомиться со следователем.

Следователь предъявил нам постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Сергея. Заполнил анкетную часть протокола допроса подозреваемого и попросил дать показания по существу дела.

Но показания, конечно же, мы в соответствии со ст. **51** Конституции РФ давать отказались. Что и было отмечено в данном протоколе.

Далее Сергей заполнил подписку о невыезде и мы, откланявшись, покинули следственное управление.

Примерно месяца через полтора Сергею было предъявлено обвинение о покушении на кражу чужого имущества с незаконным проникновением в иное хранилище (ч. 3 ст. **30**, ч. 2 ст. **158** УК РФ).

Внимательно ознакомившись со всеми материалами уголовного дела, мы начали ожидать суд.

При ознакомлении с материалами дела я обратил внимание на следующее обстоятельство. Все, как один, свидетели обвинения в своих показаниях подробно описывали картину погрузки труб на «воровайку».

Они также указывали и на тот факт, что Сергей постоянно утверждал, что трубы принадлежат ему по договору купли-продажи. При этом неоднократно показывал этот договор рабочим, а бригадиру даже дал возможность ознакомиться с ним.

Из показаний бригадира было видно, что он внимательно прочитал предъявленный Сергеем договор.

Из договора он понял, что некто, фамилии и имени он не помнит, продал Сергею трубы в таком-то количестве, таких-то размеров. Одним словом, договор, как договор. Самый обычный.

Из показаний инженера, с которым Сергей разговаривал по телефону, также было видно, что Сергей в разговоре упорно настаивал на том, что трубы принадлежат ему, ссылаясь при этом на договор.

Немного подумав, я пришел к выводу, что обстоятельства по делу складываются очень даже неплохо.

А именно, все свидетели подтверждают факт погрузки труб в грузовик. Хорошо. Мы с этим согласны. Ведь от этого никуда не уйдешь, как говорится, факт упрямый.

Далее. Многие свидетели также упоминают некий договор, который Сергей постоянно демонстрировал всем. Бригадир вообще читал текст договора. Но, к его «сожалению», данных о продавце он не запомнил. Как говорится, «умер Максим, ну и...бог с ним». Это тоже нам на руку.

Инженер в своих показаниях подтвердил, что Сергей, во время телефонного разговора с ним, настаивал на том, что трубы принадлежат ему, и что им придется компенсировать его убытки.

У меня даже вызвало улыбку то обстоятельство, что все, как один, свидетели обвинения давали показания, очень даже выгодные защите. Но сами они этого, конечно, не понимали. Ладно, они, но как следователь не заметил, что все его обвинение основывается на показаниях, по сути, свидетелей защиты. Ну, да это уже проблемы следователя.

Согласовав со своим подзащитным позицию, разработав тактику поведения в суде, нам оставалось ждать судный день.

И вот этот день настал.

Прокурор, как и полагается, зачитал текст обвинения. Судья спросил подзащитного, признает ли он себя виновным. На что Сергей ответил, что ему понятно, в чем он обвиняется, но виновным себя не признает.

Первыми были допрошены свидетели обвинения, которые дали показания, аналогичные своим показаниям, данными ими на предварительном следствии.

После чего приступили к допросу подсудимого, то есть Сергея.

В судебном заседании Сергей дал свои самые первые показания по обстоятельствам дела, скорректированные и согласованные с показаниями свидетелей обвинения. Следовательно, его показания выглядели в наивысшей степени правдоподобно.

Сергей пояснил суду, что такого-то числа, такого-то месяца, он заключил договор купли-продажи с неизвестным ему гражданином. В настоящее время он не может назвать его имени, так как имени его не помнит. Сам договор был утерян, поэтому продемонстрировать его суду он не имеет возможности.

После чего, Сергей пояснил, что после подписания договора, он передал продавцу определенную сумму денег и на следующий день приехал забирать трубы. Вывезти трубы ему не удалось по причине того, что работники теплопункта начали оспаривать право собственности на них. Попросту не дали ему их вывезти. Возникла спорная ситуация. Ему пришлось усердно доказывать свои права, ссылаясь на письменный договор, который в тот момент находился у него на руках.

Показания Сергея один в один сочетались с показаниями всех допрошенных свидетелей обвинения. А это просто великолепно.

Получается, что ни один свидетель, по сути, не опроверг версию подсудимого Сергея. А напротив, все свидетельские показания в совокупности подтвердили показания самого Сергея.

После того, как Сергей закончил давать показания, он передал суду для приобщения к материалам дела письменную аннотацию своих показаний, так называемые заметки, что наш УПК допускает.

Для чего это было сделано?

А для того, чтобы суд не смог исказить протокол судебного заседания в части показаний подсудимого. А то, что написано пером, – не вырубишь затем топором.

Итак, под занавес судебного разбирательства вырисовывалась следующая картина.

В суде прозвучала версия подсудимого о том, что он приобрел трубы по договору купли-продажи у неизвестного ему лица. Сам договор в настоящее время утрачен, то есть в судебном заседании не исследовался. Но при этом все свидетели подтвердили, что упомянутый договор имел место быть.

Особенно ценны в этой части были показания свидетеля-бригадира, который лично читал текст договора. Отсюда вывод – договор был на самом деле.

Вместе с тем, Сергей упорно отстаивал свои права собственности на спорные трубы. Это обстоятельство также подтверждалось свидетельскими показаниями, в том числе, показаниями инженера, с которым Сергей разговаривал по телефону.

А значит, умысел Сергея на тайное хищение чужого имущества в ходе судебного разбирательства не подтверждался. Следовательно, состав преступления отсутствовал.

В это время прокурор и судья начали сильно нервничать. Дело дошло до того, что судья начала «разводить» моего подзащитного на признание своей вины, угрожая изменить ему меру пресечения на заключение под стражу.

Согласитесь, как глупо она в такой ситуации выглядела. Как же не хотят судьи принимать справедливое решение по делу. Они до сих пор себя считают органом, осуществляющим уголовное преследование. Борцами с преступностью, но не лицами, отправляющими ПРАВОСУДИЕ.

Мой подзащитный был обычным человеком, далеким от всех этих судебных интриг. Как свойственно любому человеку. Такое своеобразное поведение судьи привело его в состояние шока. Он уже готов был поверить в ее угрозы.

Судья объявила **30-минутный** перерыв для того, чтобы Сергей хорошо подумал над ее предложением, от которого, по ее мнению, он не сможет отказаться.

Выйдя на улицу, мы закурили по сигарете. Сергей нервозно спросил меня, стоит ли ему признавать себя виновным. На что мне пришлось объяснить ему, что такое неадекватное поведение судьи связано только с тем, что дело разваливается прямо у них в руках.

Прокурор не мог предвидеть такой поворот событий, так как из материалов дела, при подготовке к судебному разбирательству, он не знал, и не мог знать, нашей позиции защиты.

Это связано с тем, что показания мы на следствии не давали вообще, воспользовавшись ст. 51 Конституции, или Золотым правилом № 51.

Прокурор наивно полагал, что дело не стоит выеденного яйца, поскольку все свидетели подтвердили факт погрузки труб в грузовик. Он считал это достаточным. Хотя ведь должен был знать, что эти свидетельские показания доказывают лишь объективную сторону состава преступления. То есть само действие.

А как же быть с умыслом на совершение именно хищения?

Доказательств преступного намерения подсудимого в судебном заседании так никто и не представил. Неужели государственный обвинитель добросовестно полагал, что Сергей признает свою вину и публично раскается. Нет, нет и еще раз нет. Такого счастья мы стороне обвинения и суду дарить не собирались.

Я также объяснил Сергею, что, признав вину, он раз и навсегда отсекает кассационный повод на обжалование приговора. Это значит, что при обвинительном приговоре, обжаловать его будет уже бесполезно. Так как подсудимый, признавая свою вину, «расписывается» в совершении им преступления. Что в этом случае обжаловать? Разве только добиваться смягчения наказания.

Подводя итоги, я сказал Сергею, что для обвинительного приговора суду не хватает не много не мало, его признания в совершении преступления. Оправдывать суды бояться, как черт ладана.

Сергей согласился со мной, но на всякий случай решил подкинуть монету. Монета упала вверх той стороной, при которой вину признавать было нельзя. На чем мы и остановились.

Судебное заседание возобновилось. Виновным себя Сергей снова не признал. Стороны дополнить судебное следствие не пожелали. Да и чем его уже дополнишь. Суд объявил об окончании судебного следствия. И мы перешли к прениям сторон.

Прокурор дрожащим голосом отрапортовал свою обвинительную речь. Его речь прозвучала по заранее заготовленному шаблону. Доводы прокурора о виновности моего подзащитного сводились к тому, что Сергей был застигнут на месте совершения преступления, так сказать, с поличным.

Однако довести свой преступный умысел до конца подсудимый не смог по независящим от него обстоятельствам, так как его действия были пресечены работниками теплопункта.

О каком умысле он вообще говорил?

Какими доказательствами он обосновывал этот умысел?

Мне, действительно, было не совсем понятно.

Теперь подошла очередь принять участие в прениях и стороне защиты. В защитительной речи мои доводы сводились к следующему.

«Сторона защиты не может согласиться с предъявленным подсудимому обвинением по настоящему уголовному делу.»

По мнению защиты, Сергей 07 ноября 2007 года около 16 час. 30 мин., полагая, что является собственником, пытался вывезти семнадцать металлических труб, располагавшихся на необособленной территории, на такой-то улице, вблизи такого-то дома данного города.

В ходе погрузки труб между Сергеем и бригадиром бригады сантехников теплопункта возник спор о праве собственности на данные трубы, в результате чего последний воспрепятствовал их вывозу.

В ходе судебного разбирательства стало известно, что между Сергеем и неустановленным лицом возникли отношения гражданско-правового характера, а именно состоялась сделка купли-продажи.

В связи с этим, действия Сергея по погрузке труб не могут быть квалифицированы как покушение на кражу, в силу того, что мой подзащитный являлся добросовестным приобретателем данного имущества.

Указанные выше обстоятельства в судебном заседании подтверждаются доказательствами, представленными стороной обвинения, а также показаниями самого подзащитного, которые стороной обвинения опровергнуты не были» и т. д. Дальше шел более детальный анализ доказательств, и просьба оправдать моего подзащитного в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

13

Прокурор, воспользовавшись правом реплики, сделал суду заявление об отказе от обвинения и прекращении уголовного дела, поскольку считает, что в данном случае состав преступления действительно отсутствует.

Я был не против такой постановки вопроса. Думаю, что Сергей – тоже.

Суд, посоветовавшись, огласил постановление о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения.

Прошу обратить ваше внимание на то, что при отказе прокурора от обвинения, суд вынужден по этому основанию прекратить уголовное дело. Причем прекратить дело по реабилитирующим основаниям.

Что это такое?

Это то, что Сергей имеет право на реабилитацию, то есть право на возмещение имущественного вреда, а также компенсацию морального вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности.

А что было бы, если бы Сергей признал свою вину?

Ответ прост – суд вынес бы обвинительный приговор.

А что было бы, если бы Сергей начал давать показания еще на предварительном следствии, не зная содержания показаний свидетелей обвинения?

Я даже не знаю, что и было бы. Но, скорее всего, противоречий бы возникло немало. А прокурор в судебном заседании на этих противоречиях расставлял бы свои акценты.

Друзья мои! Выводы из этого повествования делать только вам самим. А я бы хотел пожелать вам, чтобы вы всегда помнили о «Золотом правиле № 51». Применяя его, хуже себе не сделаете. Но от ошибок уберезетесь.

Послесловие

После этого судебного заседания мне пришлось задуматься, какими же все-таки мотивами руководствовался государственный обвинитель, отказываясь от обвинения.

Почему прокурор решил руководствоваться нормами УПК, а не внутриведомственным приказом генерального прокурора, который гласит: «Отказ государственного обвинителя от обвинения необходимо расценивать как дисциплинарный проступок».

Возможно, прокурор поступил по закону, как правосознательный и профессиональный специалист. Но скорее всего прокурор таким своим поступком убил сразу двух зайцев.

Во-первых, он не поставил своего старшего товарища (судью) в неловкое положение, которому оправдывать кого-либо, мягко скажем, не рекомендуется. Во-вторых, избавил себя от возможного оправдательного приговора, то есть из двух зол он выбрал наименьшее.

Как говорится, государственный обвинитель взвесил все ЗА и ПРОТИВ, и вынужден был принять единственно правильное решение, которое понравилось всем

**Адвокат – это много больше, чем правовед.
Адвокат – это игрок, это воин, тактик и стратег, а также кризисный управляющий в одном флаконе.**

Шантаж следователя, в первую очередь, эмоционально направлен на подследственного. Однако сработать он может только при условии, что такой шантаж **вызовет страх у самого адвоката**. Если такое произойдет, то у следователя обязательно появится соучастник в лице защитника, с помощью которого его предложение, от которого подзащитный не сможет отказаться, будет реализовано. Надеюсь, вам понятна основная мысль сказанного?

СЛЕДСТВЕННЫЙ ШАНТАЖ

Кого же на самом деле ШАНТАЖИРУЕТ СЛЕДОВАТЕЛЬ?

На днях ко мне за консультацией обратился один мой коллега и спросил совета по уголовному делу. По понятным причинам, я не буду озвучивать настоящих имен.

Обстоятельства дела

1. Явка с повинной (без адвоката): «Осознавая характер своих действий я в такой период неоднократно совершал хищения денежных средств с банковских счетов граждан. В январе сего года возбуждено уголовное дело в отношении Федота по одному эпизоду, с причинением ущерба на сумму 145000 руб.».
2. После чего наш Федот сразу же был допрошен в качестве подозреваемого с дежурным адвокатом, где признал себя виновным по одному эпизоду, который подтверждается объективными доказательствами.

В производстве следователя параллельно находится еще одно аналогичное уголовное дело, по которому три фигуранта находятся под стражей, два в бегах на территории сопредельного государства.

Последним уже предъявлено дежурное обвинение в совершении мошенничества, совершенного организованной группой в особо крупном размере.

Из достоверных источников известно, что указанные выше обвиняемые не дают показания против нашего героя.

16

Кроме того, по делу имеются доказательства, такие как фото, сделанные камерами банкоматов. Однако изображенные люди на данных фото находятся в масках-балаклавах. По версии следователя и его глубокому внутреннему убеждению один из-них был наш Федот, другие люди – это фигуранты по параллельному делу.

Итак, следователь после допроса в качестве подозреваемого избрал нашему Федоту меру пресечения в виде подписки о невыезде. С января месяца по настоящее время обвинение Федоту предъявлено не было, а значит мера пресечения давно уже самоликвидировалась по прошествии 10 дней.

Буквально на кануне следователь вызвал Федота для предъявления обвинения и допроса в соответствующем качестве. С моим тайным коллегой Федот заключил соглашение, и они на пару явились к следователю в указанное последнее время.

Следователь ожидал Федота уже с заранее приглашенным адвокатом по назначению и был крайне удивлен тому, что Федот явился со своим адвокатом. Перед началом предъявления обвинения мой коллега дал понять следователю, что показаний они сегодня давать не будут, и, скорее всего, вообще не будут их давать, по крайней мере на следствии.

В этот же момент душевное спокойствие следователя было нарушено взрывной волной его же собственного припадка. Все пошло не так, не по плану. Адвокат не тот, показания давать не хотят. А он уже накидал проект необходимых ему показаний. Этот следователь, в присутствии подзащитного высказал адвокату все, что он о нем думает, обвинил адвоката в том, что своей тупой и безответственной позицией он толкает своего доверителя на долгие годы в колонию...

Одним словом, следователь отказался от производства следственных действий, дав время 2–3 дня подумать. В противном случае он будет выходить в суд на изменение меры пресечения в виде заключения под стражу.

Что же так возбудило следователя?

Что разбило его сердце?

Следователь требовал, чтобы в своих показаниях в качестве обвиняемого наш Федот дал детальный расклад о том, где, когда и как он с членами организованной группы (это фигуранты по параллельному делу) совершил ряд хищений денежных средств с банковских счетов граждан путем обмана на общую сумму 4000000 руб., то есть в особо крупном размере.

Более того, следователю надо, чтобы Федот в ходе допроса указал, чьи конкретно лица скрывались под балаклавами у субъектов, стоящих возле банкомата. Также он потребовал разложить по полочкам все схемы транзакций со счета на счет, или проще, с карты на карту. Короче, требования у следователя были не детские.

Вам, наверное, многим знаком подобный шантаж?

Вопрос в следующем.

КАК В ТАКОЙ СИТУАЦИИ ДОЛЖЕН ВЕСТИ СЕБЯ АДВОКАТ?

Что делать? Как быть?

Если Федот откажется от условий следователя, то ему прямая дорога в СИЗО. Федот не хочет в СИЗО. Федот боится СИЗО. А коллега мой боится показаться перед Федотом плохим адвокатом, который довел его до СИЗО. Следователь так и говорит: «Твой адвокат толкает тебя в тюрьму!» Замкнутый круг, понимаешь...

Ну, ладно Федот. Он человек. И все человеческое ему не чуждо. Но адвокат — это не человек. В том смысле, что он не Федот. Он хладнокровный хирург, расчетливый игрок. Адвокат профессионал. И этим все сказано. Адвокат не должен утирать Федоту сопли и сам захлебываться ими. Иначе статистика всегда будет в пользу наших противников. Одним словом, дрогнул адвокат.

Хорошо, давайте разберем эту ситуацию на винтики и разложим их по полочкам.

1. Что нужно следователю?

Следователю нужно сложить всех фигурантов в одно дело в составе организованной группы. Для этого у следователя недостаточно фактуры, по сути ее нет. Иначе бы он не устраивал истерику. Подобный шантаж: «Если вы откажетесь, то поедете в СИЗО», известен с незапамятных времен. Это еще раз подтверждает мое утверждение, поскольку крыть следователю видимо совсем не чем.

2. Если мы, боясь СИЗО, безропотно идем на заклятие: даем расклад, детализируем свои показания, свидетельствуем о взаимосвязях с остальными фигурантами дела, тем самым мы натягиваем на свою голову, и на головы остальных пленников резиновое изделие под названием «организованная группа» + сумма ущерба для Федота будет увеличена до особо крупного размера. Отличная идея, неправда ли?
3. Явка с повинной, признательные показания, активное содействие возможно принесут Федоту на фоне повышенной общественной опасности содеянного небольшой дисконт в размере полугода-года по сравнению с другими. А это 4-5 лет реального срока!
4. Даже если Федота не возьмут под стражу, то через год-полтора-два после оглашения приговора его обязательно возьмут под стражу в зале суда. Федоту будет очень обидно и горестно. Психологически это всегда сложнее воспринять, чем заслушать свой срок, будучи уже длительное время под стражей. Да и зачета нахождения под стражей не будет день за полтора. Добавим сюда еще иски на 4 млн. рублей.
5. Если Федот с адвокатом не поведется на столь «соблазнительное» предложение следователя, то остается только один эпизод на 145000 руб., который Федот признал с дежурным адвокатом.

Таким образом, Федот собственноручно не наденет на себя резиновое изделие «организованной группы», за что его «коллеги» будут ему очень благодарны. А хищение в размере 145000 руб. – это всего лишь вторая часть ст. 159-ой, преступление средней тяжести. В первый раз в первый класс, виновным себя признал (по одному эпизоду!) + явка с повинной в зачет = наказание без лишения свободы. Ну, даже если и с лишением, то не четыре-пять лет, а многим меньше.

6. Что там у нас еще?

Ах, да, стражная мера пресечения. Откровенный блеф! Если даже истерический следователь и не блефует, и направит в суд свое ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, то удовлетворит ли его суд?

Дело возбуждено в январе, на улице апрель. Федот никуда не испарился, напротив, по первому телефонному зову, как штык пред очами следователя предстает. Имеет место жительства, место работы, наверное, семью (не уточнял). Ни на кого не давил и пр. Всем Федот был хорош четыре месяца, а тут на тебе, прошу закрыть его. Как-то не по-людски даже.

Мне очень интересно, о чем этот офицер юстиции в своем ходатайстве будет указывать в качестве основания избрания столь жесткой меры пресечения? То, что Федот воспользовался ст. 51 Конституции, тем самым заставляя следователя работать, думать головой, а не пожинать доказательства, представленные устами Федота. Думаю, суд не пойдет на это, откажет. Думаю, следователь даже в суд не пойдет. Блефует он, думаю я. А вдруг пойдет, если удовлетворят, поместят под стражу, однако жизнь еще на этом не заканчивается. Как потом в суде по существу, без показаний Федота и его коллег, стороне обвинения доказывать «организованную группу»? Как? Поэтому имеется существенный шанс, что суд переквалифицирует деяние на вторую часть, зачтет отсидженное и давай, до свидания.

Ну, если уж совсем все плохо пойдет, то хоть не собственными руками, точнее устами, Федот намотает себе срок. С одной стороны, Федот привыкнет к несвободе, в СИЗО он уже адаптируется. Более того, ему зачтется день за полтора, что тоже немаловажно.

Таким образом, разобрав ситуацию со всех сторон, думающий человек может прийти только к единственно правильному решению – не вестись на откровенный шантаж следователя и отказаться от его предложения. А дальше, что бы там не произошло, продолжать бороться за судьбу Федота, а не идти безропотно на заклатие.

Меня подобное поведение коллег всегда удивляло. Если мы откажемся от показаний, клиента арестуют.

Задайтесь вопросом, от каких показаний вы отказываетесь?

От признательных, другие следователю не нужны. Они для него бесполезны! Признательными показаниями вы способствуете доказыванию вины своего подзащитного!

Мне в таких случаях коллеги сразу парируют, мол, мы не можем рисковать судьбой своего клиента.

А вы в таком случае вообще не рискуете его судьбой, она у него ПРЕДНАЧЕРТАНА, вы просто берете его за руку и ведете в тюрьму. Вы надеетесь на смягчающие обстоятельства? Многие надеются даже на исключительные обстоятельства. Надеетесь на преференции от суда в виде незначительных плюшек по тяжкому преступлению? По вашему мнению в этом и заключается искусство защиты по уголовному делу?

Кроме того, плюшка в виде явки с повинной у Федота останется в любом случае, даже если он не подтвердит ее в суде. А он не должен ее подтверждать в суде ни при каких обстоятельствах. Хоть она и водянистая, однако в ней имеются слова, указывающие на неоднократность действий Федота по изъятию денег у населения. Нельзя давать суду такой пряник. Слишком сладок он и скользок. А явка с повинной как смягчающее обстоятельство по ч. 2 ст. 159 УК никуда не денется. Так говорит нам Пленум ВС.

Вся беда в том, что подобное настроение моих коллег стало носить массовый характер: «не хотим подставлять подзащитного».

Не хотим, чтобы его взяли под стражу. Он потом на меня будет косо смотреть.

А что вы тогда хотите, дорогие мои? Не хотите, чтобы его взяли под стражу? Значит тогда хотите, чтобы его гарантированно осудили на несколько лет. Да вы просто добрейшей души человек, коллега.

21

Мораль сей басни такова. В страхе и борьбе за меру пресечения, скорее в торге, чем в борьбе, подзащитный, да ладно подзащитный, профессионал забывает или вообще не думает о конечной цели. И тем самым губит шанс на положительный исход дела. Это непрофессионально, друзья мои. У Федота здесь есть шанс – и немалый – быть осужденным по второй части за преступление средней тяжести без всякой там соучастности, организованности, особо крупной размерности и прочих страшных вещей.

Коллега, не мешайте наступить такому исходу для Федота!

А коллега мне говорит, я все прекрасно сам понимаю. Но как мне Федоту это все объяснить?

На пальцах и по-русски, как я вам сейчас.

P.S. Через три дня мой коллега и Федот, не спав несколько ночей, пришли, как было велено, к следователю. Следователь, в свою очередь, поняв, что позиция защиты осталась без изменения, обещанных ОЧНЫХ СТАВОК проводить не стала, ОБВИНЕНИЕ Федоту предъявлять тоже. О мере пресечения речи, само собой, даже не зашло.

Таким образом, АДВОКАТ – это воин в состязательном смысле юридического процесса (в частности, уголовного).

Состязательность всегда состоит из ряда процессуальных и тактических действий (или тактических бездействий), но в большей степени состязательность (противоборство с противной стороной) заключается в УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССАМИ в рамках реализации СВОЕЙ ПОЗИЦИИ по делу.

РЕЗЮМЕ

В определенных кругах это заповеди, к нашей профессии они тоже подходят

1. «Думай много, говори мало, а пиши еще меньше».
2. «Никогда недооценивай своего врага» (мягко стелет – жестко спать).
«Однако никогда и не переоценивай его» (не подымай заранее свои ручки).
3. «Дующему на огонь, искры залетают в глаза»:
 - А) не усердствуй с вопросами, довольствуйся тем, что есть;
 - Б) не усердствуй разного рода ходатайствами;
 - В) не склоняй своего подзащитного давать лишний раз показания не в то время и не в том месте.
4. «Гораздо выгоднее для тебя, если твои противники считают тебя безумцем и тупицей» (усыпляй бдительность).
5. «Не ищи брода обеими ногами»:
Никогда не зацикливайся на одной позиции по делу, к финишу все может измениться. Должно быть несколько вариантов действий. Однако для принятия правильного решения часто требуется время.

Как задать себе это время?

Не показывать врагу на старте вообще никакой позиции. Пусть думает, что ты безумец и тупица. Таким образом, делай себе солидный временной задел для определения единственно верной позиции по делу и правильной линии защиты.

С помощью какого инструмента это достигается?

Правильно с помощью ненавистной многим ст. 51 Конституции. Наиполезнейший инструмент, скажу я вам. И совершенно безвредный.

6. «Лишь в крайне редких случаях пытайся повторить свой успех на бис».

Что здесь имеется в виду?

Здесь не о том, что добиться положительного результата по аналогичному делу второй раз невозможно, что положительный результат это всего лишь случайность.

Нет, здесь не об этом.

Просто не обещай и не гарантируй своим новым пациентам подобный исход дела, показывая им свое прежнее портфолио. Просто берись и делай, с учетом прежнего опыта и новых изысканий, а там как карта ляжет. Есть множество примеров, когда аналогичные дела заканчивались совершенно по-разному.

Отсюда вывод: **Обещай мало, но приноси много!**

23

- **Колегов Алексей Валерьевич**, адвокат по уголовным делам.
- Окончил очное отделение юридического факультета Уральской Академии государственной службы (УрАГС (РАНХиГС), г. Екатеринбург).
- С отличием выполнил и защитил дипломную работу «Социальная ценность и правозащитный потенциал суда присяжных».
- По окончании вуза несколько лет работал следователем прокуратуры в Курганской области.
- Вторая специальность: Бухгалтерский учет и контроль.
- Адвокатская практика с 1 марта 2005 года.
- Приоритетное направление практики — защита по уголовным делам в сфере экономической деятельности.
- Основатель и ведущий Ютюб-канала «Адвокатские тайны».
- Организатор Всероссийской обучающей конференции «О чем молчат адвокаты» (Москва, 2017).
- Автор книги «Адвокатские тайны: Дела наши уголовные» (Издательство ООО «Феникс», 2019).
- За время своей адвокатской деятельности автор курса добился десяти полностью оправдательных приговоров, трех прекращений уголовных дел за отсутствием состава преступления на стадии предварительного следствия, двух отказов прокуроров от обвинения и множество других результатов с положительным исходом дела.

МАГАЗИН ОНЛАЙН-КУРСОВ

АДВОКАТСКИЙ ТАЙНИК

